

DOI: 10.26794/2220-6469-2018-12-1-78-91
 УДК 330.34.014
 JEL P50

«Корпоративная экономика». Истоки современной неокорпоративной практики западноевропейских стран

И. Н. Шапкин,
 Финансовый университет, Москва, Россия
<http://orcid.org/0000-0003-3060-9610>

АННОТАЦИЯ

Предмет. Современное западноевропейское общество в значительной степени развивается на основе теоретических воззрений и практики корпоративизма. Исследование истоков теории и опыта корпоративного строительства имеет большое значение для понимания особенностей современного этапа и будущего развития этого региона. Корпоративизм, новая «корпоративная экономика» в отечественной экономической науке пока не стали предметом самостоятельных исследований.

Цель исследования состоит в определении факторов, способствовавших развитию корпоративистских концепций, оформившихся в «неокорпоративистскую» теорию, в анализе исторического опыта использования корпоративистских практик, в рассмотрении проявлений этого концепта в нынешней мысли и деятельности западноевропейских стран.

Методология. Исследование базируется на диалектическом подходе с использованием историко-генетического, системно-структурного и историко-типологического методов.

Результаты. Корпоративизм органично соединил в себе религиозные и светские воззрения. В 1920–1930-х гг. ряд европейских государств поставил в качестве цели построение корпоративного государства. В этот период корпоративизм рассматривался как альтернатива советского социализма и западноевропейского либерализма. В середине XX в. интерес к корпоративизму возродился, сложилась новая «неокорпоративистская» теоретическая и практическая реальность. Как показывает история Западной Европы, корпоративизм никогда и никуда не уходил из политической и хозяйственной жизни.

Выводы. Современный корпоративизм не интересуют идеи социального христианства, он не связан и с идеологией фашистского «корпоративизма». Сегодня, являясь инструментом примирения разных общественных интересов, он органично включен в систему государственного управления, позволяя тем самым проводить сбалансированную социально-экономическую политику, оказывать положительное влияние на экономический рост, обеспечивать стабильный уровень занятости и распределение доходов. Но эта социальная модель имеет недостатки. В частности, она не в состоянии быстро и адекватно реагировать на необходимость структурной перестройки хозяйства, на повышение требований к менеджменту и рабочей силе. Отрицательными сторонами являются уменьшение гибкости и открытости в отношении инноваций и непрозрачность принятия решений.

Ключевые слова: корпорация; теория корпоративизма; «неокорпоративизм»; плюрализм; солидаризм; социальное партнерство; институционализм.

Для цитирования: Шапкин И. Н. «Корпоративная экономика». Истоки современной неокорпоративной практики западноевропейских стран // Мир новой экономики. 2018. Т. 12. Вып. 1. С. 78–91.

DOI: 10.26794/2220-6469-2018-12-1-78-91
 UDC 330.34.014
 JEL P50

“Corporate Economy”. The Origins of Modern Neo-corporatism Practice in Western European Countries

I. N. Shapkin,
 Financial University,
 Moscow, Russia
<http://orcid.org/0000-0003-3060-9610>

ABSTRACT

Object. Modern Western European society to a large extent develops on the basis of theoretical views and practice of corporatism. The study of the origins of the theory and experience of corporate construction is important for understanding the features of the modern stage and the future development of the region. Corporatism, the new “corporate economy” in the national economic science has not yet become the subject of independent research.

The purpose of the study is to determine the factors that contributed to the development of corporatist concepts, developed in the “neo-corporatism” theory, in the analysis of the historical experience of the use of corporatist practices, in the consideration of manifestations of this concept in the current thought and activities of Western European countries.

Methodology. The study is based on the dialectical approach using historical-genetic, system-structural and historical-typological methods.

Results. Corporatism organically combined religious and secular views. In the 1920s–1930s, a number of European States set the goal of building a corporate state. During this period, corporatism was seen as an alternative to Soviet socialism and Western European liberalism. In the middle of the twentieth-century interest in corporatism revived, there is a new “neo-corporatist” theoretical and practical reality. As history shows, Western Europe, corporatism is never left out of the political and economic life.

Summary. Modern corporatism is not interested in the ideas of social Christianity, it is not associated with the ideology of fascist “corporatism”. Today, as an instrument of reconciliation of different social interests, it is organically integrated into the system of public administration, thus allowing balanced socio-economic policy, to have a positive impact on economic growth, to ensure a stable level of employment and income distribution. But this social model has shortcomings. In particular, it is unable to respond quickly and adequately to the need for structural adjustment of the economy, to increase requirements for management and labor. Negative aspects are the decrease in flexibility and openness towards innovation and the opacity of decision-making.

Keywords: corporation; theory of corporatism; “neo-corporatism”; pluralism; solidarity; social partnership; institutionalism.

For citation: Shapkin I. N. “Corporate economy”. The origins of modern neocorporatism practice of western european countries. Mir novoj jekonomiki = World of new economy, 2018, vol. 12, iss. 1, pp. 78–91. (In Russ.).

В современных условиях одной из важнейших социально-политических проблем является взаимодействие государства и общества. В мире существуют два механизма согласования позиций участников общественной практики. Один предполагает функционирование политических партий, другой — деятельность организованных групп интересов. В настоящее время все большее значение приобретает последний.

Осознание людьми схожести интересов приводит к формированию в недрах социальной группы инициативного ядра, которое превращает аморфное образование в организованный, сплоченный общими интересами коллектив. Именно эти люди берут на себя разработку стратегии и тактики деятельности представляемого общества, выступают в качестве идеолога этого интереса и активного актора общественно-политической практики.

Каждая группа интересов отличается по целям и методам деятельности, ресурсам и возможности влияния на власть, а также присущим только ей набором характеристик. Цель групп интересов состоит в активном взаимодействии с властью для того, чтобы их интересы и запросы были не только услышаны, но и реализованы.

Взаимодействие групп интересов с государством осуществляется в рамках двух социальных моделей, которые оформлены в форме двух концепций: плюрализма и (нео)корпоративизма.

По мнению плюралистов, в сложном организованном обществе индивид имеет мало шансов быть услышанным властью, и еще меньше — повлиять на правительственные решения. Поэтому для того, чтобы лучше и полнее донести до правительства свои нужды и требования люди объединяются в общественные организации, основная функция которых состоит в том, чтобы быть активным посредником во взаимоотношениях с властью. Общественные союзы являются способом реализации гражданами своих демократических прав. Коллективная (групповая) точка зрения имеет большее значение для власти, особенно если она представляет мнение влиятельных общественных сил. В конечном счете принятие государственного решения — это результат политической конкуренции заинтересованных групп интересов, победа одних групп над другими.

Отличная точка зрения представлена теорией корпоративизма, которая с 1960-х гг. стала на-

зываться неокорпоративизмом. Корпоративисты считают, что индивиды участвуют в политической жизни, оказывают влияние на общественно и государственно значимые решения через корпорации, т.е. добровольные объединения физических и юридических лиц. Именно эти структуры осуществляют связь и взаимодействие с политической властью. Для корпоративистов общественная организация является своеобразным «приводным ремнем», связывающим индивида с государством. Но из-за многочисленности общественных организаций государство не в состоянии входить с ними в отношения. Оно выстраивает отношения лишь с наиболее авторитетными, многочисленными и влиятельными организациями, которые объединяют в своих рядах лиц, обладающих значительными материальными, организационными, людскими и прочими ресурсами. При таком подходе политическая конкуренция организованных групп интересов заменяется монополией отдельных привилегированных объединений [1].

Однако ни одна из рассмотренных моделей в современном мире в чистом виде не существует. Чаще всего происходит их смешение и переплетение, но с преобладанием какого-либо одного варианта.

Обе эти модели получили развитие в Западной Европе, а затем в США. Их истоки нужно искать в специфическом историческом развитии западноевропейской цивилизации. Под влиянием Гуманизма, Реформации, Возрождения и Просвещения здесь сформировался уникальный социум, членов которого отличало своеобразное мировоззрение, особая идеология и морально-этические ценности. Индивидуализм, стремление к личному и земному благополучию, освобождение от христианских обязательств и подчинение действий и поступков индивида рационализму — все это характеризовало европейцев Нового времени. Власть и стремление к власти, экономические цели и общественно-политическая практика наполнились рационализмом. В отличие от феодальной эпохи теперь индивиды руководствовались не понятиями чести и верности, а рациональными интересами и предпочтениями.

Если прежде считалось, что действиями людей руководит добродетель, то к концу XVIII в. представления о добре и благополучии серьезно изменились. Они стали носить субъективный характер. Каждый человек становился арбитром

«полезной добродетели», определенной «естественным порядком». Как разумное существо человек не может не стремиться к максимизации материалистической полезности, доказывали представители Ренессанса и Просвещения. Посредством максимизации полезности «экономический человек» ответственен за реализацию собственного потенциала. Свое политическое участие в делах государства он осуществляет через демократические институты.

Такой подход поощрял эгоцентристские настроения в обществе, формировал личность, для которой был характерен эгоизм, размытые понятия о совести и порядочности. Эта личность отличалась новым отношением с другими людьми, новым поведением. Ее отличал напор и агрессия.

Нередко люди, исповедующие рационализм и стремящиеся к полезности, используют власть, чтобы получить несправедливое преимущество. Господство над другими и использование силы для того, чтобы заполучить желанные вещи на неравных условиях, как заметил А. Шопенгауэр, — это наилучший способ максимизации полезности. В результате значительно возросло количество межличностных, групповых и межгосударственных конфликтов, которые сотрясали Европу и мир на протяжении последних 300 лет. Чтобы не допустить конфликты в обществе и контролировать отклонения в поведении и поступках человека, необходимо, как писали деятели Просвещения, а вслед за ними представители классической политической экономии, опираться на конкуренцию, совесть и верховенство права.

Наиболее последовательно идеалы нового общественного порядка и устройства были реализованы в США. Стержнем американской общественной системы стал индивидуализм, на который нанизывались все прочие социальные институты и умонастроения — общественный договор, обязательство соблюдать незыблемость договорного права, жажда наживы, трудолюбие, предпринимательство и свобода.

Все это дополнялось государством, обеспечивавшим соблюдение законности и порядка и собиравшим посредством налогов средства с общества на собственные нужды. Современное американское государство — это «государство услуг», в отличие от прежнего государства «ночного сторожа». Предпочтение, отдаваемое в англо-американских культурных традициях верховенству свободы, предпринимательства

и права, сильно отличает эту систему от стран континентальной Европы, для которых был характерен этатизм, коллективизм и корпоративизм.

Новая культурно-идеологическая среда, сложившаяся в США и Западной Европе, оказывала определяющее влияние на индивидуальные и групповые, общественные и личные приоритеты. Она сформировала новое видение индивидом своего места в общественно-политической жизни. После Просвещения человек начал воспринимать себя не как пассивного участника событий, на которые он не может оказывать влияние, а как активного актора исторического процесса. Впервые он заявил государству о своих претензиях на эту роль в XVIII–XIX вв. Бурная политическая жизнь Европы этой эпохи являлась подтверждением обоснованности подобных притязаний. Возросшая социально-политическая активность масс вынуждала государство выстраивать новые отношения с ними, создавать особые принципы и механизмы взаимоотношения с обществом [2].

Корпоративные теории имеют глубокие исторические традиции в европейском обществе.

Корпоративизм вырос из феодального устройства и порядка. Корпорация как форма организации европейской общественной и хозяйственной жизни сложилась в средние века. Человек в эту эпоху — это член определенной группы, конкретного сословия, за которым закреплялись четко фиксированные права и функциональные обязанности. Существование и предназначение индивида состояло в служении своему коллективу, «общему делу». В этом суть западноевропейского мироустройства. Оно закреплялось в религиозных учениях Римско-католической церкви, утверждавшей приоритет «общего, мирского блага» над индивидуальными интересами.

Средневековые корпорации стояли на защите профессиональных и социальных прав входивших в них индивидов. Представляя собой не только производственные структуры, но и общественные образования, корпорации выполняли целый ряд институциональных функций: устанавливали правила ведения бизнеса, нормы поведения людей не только в трудовой, но и повседневной жизни, формировали отношения людей с внешним, нередко враждебным миром, определяли межличностные отношения. Жизнь средневекового человека вне корпораций была невозможна.

Вся жизнь ремесленника и его семьи проходила в рамках цеховой организации. Их объединяли в гильдию не только производственно-сбытовые интересы и социальная борьба, но и сословная принадлежность, правосудие, потребность в защите, религиозные функции, организация досуга, развлечения, взаимопомощь. Слово "guild" происходило от древнеанглийского "gild" — «жертвоприношение», а древнескандинавское "gildi" значило «пир», «празднество», а также и «платеж», «стоимость». Гильдии периода раннего средневековья имели сакральный характер и были связаны с языческими культурами. Члены цеха, гильдии называли друг друга «братьями»: демократические формы и традиции играли в средневековом городе большую роль, несмотря на всю дифференциацию в коммуне и в цехах [3].

Феодалное корпоративное устройство, формировавшееся на протяжении нескольких столетий в Европе, стало базой для теоретических обоснований ее социального устройства, для складывания теории корпоративизма. На ее становление и развитие оказали огромное влияние разные теоретические концепции, существовавшие в интеллектуальном европейском пространстве. Следует отметить, во-первых, что корпоративистская теория складывалась на протяжении продолжительного времени, а во-вторых, что корпоративизм формировался из разных источников.

ХРИСТИАНСКИЕ ИСТОКИ КОРПОРАТИВИЗМА

Огромное влияние на формирование теории корпоративизма оказала Римско-католическая церковь. Долгое время она игнорировала экономические и социальные проблемы. Но в середине XIX в. церковь уже не могла закрывать глаза на накопившиеся общественные конфликты и противоречия. Она была вынуждена повернуться лицом к своей многочисленной и обездоленной пастве.

На формирование новой католической концепции социального развития существенное воздействие оказали теоретические взгляды и практическая деятельность немецкого богослова, политика, епископа Майнца В. фон Кеттелера. Неслучайно позже папа Лев XIII назвал его своим предшественником [4, с. 255].

По его мнению, либерализм со всеми его краснодушными лозунгами является обманом.

Позднее он будет называть его «безбожным». Знамя тогдашнего либерализма — парламентаризм — не имеет ничего общего ни со свободой, ни с демократией. Он создает лишь видимость народовластия. Без критики не оставляет Кеттелер и представителей левых взглядов. Он решительно отвергает коммунистические воззрения, направленные на упразднение частной собственности. Вместо либеральной демократии он предложил сословную демократию, которая должна стать фактором стабильности, основой общественного согласия. Ядро новой демократии составляет корпоративная система, позволяющая избежать общественных проблем и конфликтов. В рамках корпоративной модели каждая группа будет представлена в общественно-политической жизни, а через участие в работе корпораций индивид будет заботиться о собственных социальных и политических правах [5, с. 92].

Под влиянием Кеттелера в Германии находился аббат Хитце, один из основателей партии католического центра. В своей книге «Капитал и труд» (1880 г.) он резко критиковал капитализм «свободного рынка» и индивидуалистическую философию. Корпоративное католическое движение получило развитие в Бельгии. Здесь возникла так называемая льежская школа. Ее идейным вдохновителем стал епископ Льежа В. Ж. Дутрелу. В Австро-Венгрии кеттелеровские идеи развивал один из вдохновителей австрийского христианского социального движения барон К. фон Фогельзанг. Он выступал за переустройство общества и государства на основе юридически узаконенных профессиональных корпораций, в которые предлагал объединить хозяев и наемных работников, сделав последних собственниками.

Во Франции кеттелеровские идеи развивали граф А. де Мэн и маркиз Р. де Ла Тур дю Пэн. Резко критикуя экономический и политический либерализм, они защищали концепцию «органического слияния общества и государства», «социального мира» и «ассоциации труда и капитала», выступали против призывов к революции, боролись за создание корпораций [6, с. 59].

Французские промышленники-католики создали ассоциацию «Христианские предприниматели Севера», которая развернула активную деятельность по оказанию помощи рабочим. В 1887 г. во Франции возник первый католический «профсоюз», объединивший, однако, не рабочих, а промышленных служащих. В Германии,

в Реймсе, Л. Хармелем была образована «Христианская корпорация», которая допускала участие рабочих через заводские советы в руководстве предприятиями [5, с. 261–262]. Первые католические профсоюзы в Бельгии возникли в результате раскола, произошедшего в социалистических профсоюзах.

Социальная деятельность католиков получила значительный размах в 1870–1890 гг. Католические деятели верили в возможность превратить рабочие союзы в организации, способные изменить существующий социальный порядок без социально-политических потрясений. Многие из них считали, что союзы с участием рабочих и предпринимателей более предпочтительны, чем профсоюзы.

Новый подход католической церкви нашел отражение в папских энцикликах. Впервые новым реалиям, сложившимся в мире, была посвящена энциклика "Syllabus of Errors" («Список важнейших заблуждений нашего времени») (1864) папы Пия IX.

В послании глава католической церкви определил цель и задачи рабочих объединений. Их деятельность, по его мнению, должна быть направлена на улучшение «состояния здоровья, экономического положения и нравственного облика» своих членов. Он превозносил преимущества и выгоды, которые имели корпорации в прошлом, утверждал, что их необходимо приспособить к современным условиям. В этом послании церковь впервые заговорила о корпоративизме. С него началось оформление концепции «католического солидаризма».

В "Rerum novarum" («Исходя из новых обязательств») (1891 г.) папы Льва XIII предлагались новые общественные ориентиры. Верующих, и прежде всего рабочих, призывали к последовательному внедрению в повседневную жизнь идей солидарности и взаимопомощи, моральному очищению общества, отстаиванию своих прав, но без политической борьбы. Эти положения и легли в основу идеологии «католического солидаризма» [4].

«Солидаристская» христианско-социальная доктрина окончательно сложилась в 1920–1930-х гг.¹

¹ После 1945 г. католическая церковь отказывается от термина «корпоративизм», прибегая для описания программы социальной ассоциации к таким понятиям, как «профессиональная организация» или «корпоративный профессиональный порядок».

В итоге в ее основу были положены два базовых принципа: сословно-корпоративное устройство общества и субсидиарность (от лат. subsidium — помощь, защита). Корпоративизм рассматривался как принцип общественного устройства, с помощью которого удастся преодолеть классовые противоречия. Субсидиарность подразумевала не только индивидуальную ответственность человека за собственное будущее, но и сохранение за ним права на общественную поддержку. Этот принцип создавал условия для обеспечения социальной справедливости, позволяя сохранить индивидуальную свободу и инициативу личности при жестком упорядочении общественной жизни.

СВЕТСКИЕ ИСТОКИ КОРПОРАТИВИЗМА XVIII–XIX ВВ.

Первыми о корпорациях заговорили немецкие философы XVIII в. И. Г. Фихте, Г. Гегель убедительно доказывали, что европейское общество невозможно понять, если не учитывать преисполненность и зависимость существующего социального положения от прошлого, что новый общественный порядок должен строиться на корпоративных принципах и началах. Эти идеи развивали в своих трудах Т. Гоббс, Дж. Локк, а позже Ж.-Ж. Руссо [7–9].

После публикации А. Смитом в 1776 г. «Исследования о природе и причинах богатства народов» идеи либерализма — свободы рыночных отношений, предпринимательской деятельности, невмешательства государства в экономику — стали господствующими в Европе. По мысли Смита, любое ограничение стихийного хода событий и конкуренции сдерживало хозяйственное развитие. За государством он оставлял только функции поддержания порядка внутри страны и обеспечения внешней безопасности.

На смену патерналистско-консервативному взгляду на государство, основанному на убеждении в естественных либо божественных истоках иерархического устройства, на доминировании и абсолютной ответственности государства, пришли теории «социального контракта» и «общественного договора».

Идеям индивидуализма, получившим широкое распространение в европейской теоретической мысли и практике в XVIII–XIX вв., была противопоставлена концепция корпоративизма. Ее родоначальником являлся А. Мюллер. В основе

ее логической конструкции лежал «духовный императив», представление о том, что взаимоотношения между государством и обществом строятся наподобие семейных отношений: каждое сословие — это семья, обладающая определенными моральными и духовными ценностями, а «государство — это семья семей» [6, с. 24].

Первую попытку систематизировать представления о взаимной солидарности как универсальном социальном явлении предпринял в 1839 г. П. Леру. Позже корпоративизм развивался Э. Дюркгеймом в теории «органической солидарности», Л. Дюги — в теории «солидаризма» [10–12].

Дюркгеймом была сформулирована и развита концепция «функционализма», признававшая конфликтную природу современного общества. Он доказывал, что основными элементами современной социальной структуры являются корпорации, поэтому важнейшая задача государства состоит в их организации. Базовой посылкой для Дюги являлась мысль, что общество делится на классы, что каждый класс выполняет свою миссию, свой долг и свою функцию по обеспечению социальной «солидарности» и общественной гармонии. Сотрудничество классов способствует преодолению негативных общественных проявлений мирным путем, без революций [13].

Идеи «солидаризма» к концу XIX в. получили широкое распространение в Европе, но в каждой стране они имели свои специфические черты. Немецкий, австрийский, русский «солидаризм» в большей степени, чем французский, были связаны с этическими, религиозными и национальными теориями. Огромным интеллектуальным и духовным потенциалом обладал русский «солидаризм» начала XX в., развивавший традиции национальной идеологии, соборности, этики и православия. Его представители — Н. Лосский, С. Франк, один из крупнейших философов своего времени И. Ильин.

Значительное влияние на корпоративные представления оказывал «монархический» социализм. Видными представителями этого направления были В. Хубер, А. Шеффле, А. Штекер. Свою главную задачу они видели в том, чтобы привить рабочим идеи классового мира и убедить их в надклассовости немецкого государства.

В публикациях они доказывали, что посредством организации разного рода товариществ и кооперативных ассоциаций можно спасти от

разорения мелких ремесленников, сделать немощных рабочих имущими. Они полагали, что финансовую помощь этим союзам окажет частный капитал, но особые надежды возлагали на государственную поддержку. Представители этого течения выдвигали идею об участии представителей рабочих союзов в управлении предприятиями, выступали за то, чтобы не менее трети членов парламента и до половины местных органов власти назначались представителями профессиональных, предпринимательских и прочих корпораций, а не избирались. В этом они видели стабильность государственного устройства [14].

Огромное влияние на развитие теории корпоративизма оказал синдикализм. Зародившийся в профсоюзном движении Франции, Италии и Испании он рассматривался в конце XIX в. как альтернатива революционным и парламентским социалистическим партиям. Теоретики синдикализма, такие как Ж. Сорель, конечную цель рабочего движения видели в свержении капитализма и замене его социализмом. Они считали профсоюзы высшей формой организации трудящихся, доказывали, что на их основе будет создаваться новое общество, которое заменит существующее государство и государственную власть вообще.

Особое место в становлении левой теории и практики занимал «фабианский социализм», который представляет собой комплекс концепций, разработанных социалистически настроенной интеллигенцией Великобритании, основанной в 1884 г. Фабианское общество. Учредителями общества являлись Б. Шоу, Г. Уэллс, супруги Вебб и др. Фабианцы приняли активное участие в создании Лейбористской партии Великобритании. Они выступали за постепенную замену капиталистического общества социалистическим путем реформ в сфере распределения и обмена. Важнейшим инструментом реформ фабианцы считали государство, которое должно выражать интересы беднейших слоев и активно вторгаться в экономику для уменьшения имущественного неравенства, ликвидации или сокращения безработицы. Подобные меры рассматривались ими как социалистические.

Прообраз будущей коллективистской организации фабианцы видели в потребительской кооперации и выступали за изменение частной собственности путем создания акционерных обществ и частичной национализации. Благодаря

этим мерам частная собственность будет постепенно трансформироваться в социалистическую.

Члены радикального крыла фабианского общества (Д. Коул, Д. Гобсон и др.) стояли у истоков «гильдейского социализма». В отличие от большинства фабианцев, выдвигавших программу передачи предприятий в муниципальную собственность, гильдейские социалисты настаивали на национализации частных предприятий и передаче управления ими «национальным гильдиям», т.е. профессиональным союзам. «Гильдии» представляли собой вертикальные профсоюзы, в рамках которых объединялись, как рабочие, так и управленцы разного уровня. Они пользовались полной автономией в организационном плане и в выборе форм и методов деятельности. За ними закреплялось право решения всех внутренних дел без вмешательства внешних сил. Экономическое регулирование в национальном масштабе должна осуществлять общенациональная гильдия производителей. Сторонники «гильдейского социализма» полагали, что при такой системе у государства не будет повода для вмешательства в общественно-политическую жизнь. Государство должно вмешиваться для разрешения возникших противоречий лишь в тех случаях, когда не удавалось достичь согласия между гильдиями.

«Гильдейский социализм» сочетал традиционную фабианскую идею о решающей роли государства в изменении форм собственности с синдикалистскими представлениями о передаче управления производством профессиональным союзам [15].

КОРПОРАТИВИЗМ КАК «ТРЕТИЙ» ПУТЬ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

В целостную систему корпоративистская теория в Европе сложилась в первой трети XX в. В немалой степени ее распространению способствовала социалистическая революция 1917 г. в России, а также обострившиеся после окончания мировой войны социально-политические конфликты и противоречия, возросшая организованность противостоящих общественно-политических сил.

В послевоенной Европе, и в первую очередь в Италии, набирали популярность идеи общественного обновления посредством корпоративного государственного устройства. Склады-

валось стойкое убеждение, что существующая система политического представительства не соответствует духу и требованиям времени, не учитывает новые реалии. Когда она зарождалась, не было тех общественных институтов, которые в новых условиях стали называться «корпорациями». Поэтому господство неорганизованных масс, порождавшее нередко невежественных и безответственных политиков, должно быть заменено корпоративным представительством. Одними из первых эту задачу перед собой поставили итальянские социалисты-реформисты, доказывавшие, что в результате введения профессионального представительства усилится влияние рабочих на власть. В корпоративной системе они видели первый шаг к ограничению всевластия капитала и проведению социализации промышленности [16].

Если до мировой войны внимание корпоративистов фокусировалось преимущественно на общественных организациях, объединявших работников и собственников предприятий для координации действий и разрешения конфликтов, то после ее окончания корпоративизм начал рассматриваться как особая идеология, как «третий» путь общественного развития, т.е. как альтернатива либерализму и коммунизму.

Идеологи «третьего пути» отвергали либерализм и марксизм. Они резко негативно относились как к либеральному восприятию индивида как носителя неких универсальных естественных прав, внеличностных по своему происхождению, так и к марксистскому классовому подходу, приводившему к отчуждению личности, потере ей своих подлинных корней, превращению человека в некую безликую фигуру. Корпоративный строй рассматривался ими как особый, не социалистический, но и не капиталистический строй, «гармонически примиряющий интересы труда и капитала», «сочетающий частную инициативу с государственным контролем» и в качестве такового снимающий с повестки дня социалистическую революцию [17].

Идеалом новой идеологии становится не индивидуальная, не классовая, а корпоративная свобода. В рамках «подлинных субъектов» социальных отношений — трудовых коллективов, этнических групп, семьи, религиозных общин — и реализуется личность. Корпоративная свобода человека не противостоит общественным интересам, а дополняет и расширяет их. Любые

общественные преобразования основываются на идеях духовного строительства, совершенствования человека, свободного творчества.

Корпоративные движения ориентировались на распространение своих идей, а не на борьбу за власть. Эта особенность корпоративной идеологии предопределила скептическое отношение ее сторонников к формированию жесткой рациональной доктрины, поскольку корпорации — это универсальное средство гармонизации общественных отношений.

У каждого государства есть свой уникальный опыт, основанный на использовании собственного коллективного опыта и опыта входящих в него индивидов. Ассоциации низшего порядка растворяются в государстве. Уникальность государственного опыта воздействует на каждого индивида и обогащает его жизнь.

Государство наделяется настоящей «органической» жизнью. Оно занимает в обществе господствующее положение. Все, что есть в государстве, создано им, и не может быть выведено за пределы его компетенции. Государство представляет собой результат человеческих усилий. Человек существует постольку, поскольку существует государство. Вне государства он — ничто [18].

Естественное состояние человека — быть связанным с государством через корпорации. Корпоративное государство предоставляет ему посредством создаваемых корпораций возможность для обсуждения общественных проблем, трибуну для связи с лидерами государства, взаимодействия рабочих с бизнесом. В противном случае человек будет отделен от своих товарищей, изолирован и растворен в безликой и бесконтрольной массе, лишенной сущности, формы и дисциплины [19].

Теория корпоративизма оформилась в более или менее законченную систему перед Второй мировой войной. Попытки практической ее реализации были предприняты в ряде европейских стран. Образцом «корпоративного государства» стала фашистская Италия.

При Муссолини в Италии все наемные работники и работодатели были объединены в зависимости от хозяйственной специфики региона в профессиональные корпорации по профессиям. Эти структуры представляли собой национальные отраслевые федерации, которые, в свою очередь, входили в конфедерации, охватывавшие более широкие сектора — промышленность, сельское хозяйство, торговлю и т.д. В 1934 г. власти созда-

ли в 22 отраслях соответствующие корпорации, которые получили полномочия участия в экономической деятельности и посредничества в трудовых спорах. Вслед за Италией по пути создания «корпоративных государств» пошли Португалия, Испания, Бразилия, вишистская Франция и ряд других стран [20, 21].

КОРПОРАТИВИЗМ ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В послевоенном мире из-за краха фашизма корпоративизм как направление общественной мысли становится синонимом недемократичности. Он исчезает из общественной мысли на два с лишним десятилетия.

Однако в середине 1950-х гг. в Западной Европе, в первую очередь в малых европейских странах с относительным культурным и языковым единством, хорошо организованными ассоциациями интересов, начали пробивать себе дорогу элементы «нового» корпоративизма. «Неокорпоративистская» практика набирала силу в малых странах Европы, где имелись мощные социал-демократические партии — в Бельгии, Дании, Нидерландах, Швеции, Норвегии, Финляндии.

Одной из важнейших причин возрождения корпоративизма являлось сохранение его субъектов — различных общественных организаций, предпринимательских союзов и профсоюзов, а также государства, активно приступившего к реформированию существовавшего общественного порядка.

Однако первостепенное значение для возрождения «нового» корпоративизма после завершения послевоенного восстановления западноевропейских стран и выхода их на новую траекторию экономического развития имело усложнение хозяйственной жизни. В 1960-х гг. в экономике Западной Европы происходили качественные изменения: наблюдалось сокращение материального и рост нематериального производства; отмечался кризис традиционных промышленных отраслей с одновременным развитием высоких технологий и третичного сектора экономики.

Экономические изменения повлияли на процесс социальной дифференциации, характер и динамику социальной стратификации. Начался процесс распада традиционных групп (рабочий класс, мелкая буржуазия, крестьянство и т.д.)

и образование новых социальных групп. Менялся образ жизни населения, экономическое и политическое поведение людей, возросла социальная и географическая мобильность и т.д.

В итоге сложилась новая социально-экономическая практика — включение групп интересов в процесс принятия решений государством; проведение новой политики в области социально-трудовых отношений, в том числе — формирование социальных пактов, дававших трудовые гарантии трудящимся и превращавших профсоюзы, предпринимательские союзы и правительственные институты в социальных партнеров; формирование новой экономической политики, предполагавшей обязательные консультации по важнейшим вопросам с представителями бизнеса и профсоюзов и т.д.

В этих условиях общественная мысль вновь обратилась к корпоративизму. На рубеже 1970–1980-х гг. сформировалась концепция неокорпоративизма, связанная с именами А. Коусона, Дж. Лембруха, Ф. Шмиттера, Г. Штрека и др. Ф. Шмиттер определил его как систему «представительства интересов, которая состоит из ограниченного числа единичных, недобровольных, конкурирующих друг с другом, иерархически организованных, функционально различных, получивших разрешение на свою деятельность или официально признанных (если не созданных) государством структур, имеющих монополию на представительство в своей области взамен на определенный контроль за отбором лидеров и артикуляцией требований и приверженностей» [22].

К важнейшим чертам нового корпоративизма относится участие в политической жизни организаций, а не отдельных индивидов; рост влияния профессиональных союзов; привилегированное положение и большее влияние на принятие решений некоторых ассоциаций; замена конкуренции интересов монополией отдельных объединений. «Нет больше „улицы с односторонним движением“: от общества через объединения и партии к исполнительной власти, — писали в 1981 г., т.е. в период повышенного интереса к вопросам корпоративизма, У. фон Алеман и Р. Г. Хайнц. — Существует скорее сеть отношений: функциональное переплетение между государственными и негосударственными институтами накладывается на классическое разделение власти и типичное для федерализма вертикальное политическое переплетение между

федерацией, землями и коммунами. Это ведет и к преобразованию объединений... В рамках такой перемены отношений между государством и экономикой крупные объединения принимают функции шарниров и буферов... Общее для всех уровней — форсированное включение негосударственных организаций в официальную политику. Наряду с традиционными органами формирования консенсуса, прежде всего парламентом, возникают новые, параконституционные системы переговоров, указывающие на возрастающее обобществление процессов принятия политических решений» [23].

Независимо от направления и страноведческих особенностей все неокорпоративисты обращают внимание на усиление в послевоенный период экономической роли государства, на необходимость в связи с этим сотрудничества общества с государственными институтами. Для них корпоративизм — «это экономическая система, предполагающая, подобно социализму, высокий уровень активности государства, в которой, однако, государство играет качественно иную роль. Конкретная форма... не является результатом сознательной стратегии, осуществляемой какой-то группой, а представляет собой модель, которая возникает сама собой как следствие чисто прагматических решений экономических проблем, принимавшихся последними четырьмя правительствами. Таким образом, ни одна из двух основных партий не может снять с себя ответственности за эту модель. В состоянии разработки находится сейчас новое, неписанное соглашение между основными участниками политического процесса по поводу роли государства в экономике и, соответственно, новой формы политико-экономической организации — корпоративизма» [24].

По мысли неокорпоративистов, общественные корпорации — это составная часть гражданского общества, обладающая своей спецификой. Они жестко ориентированы на достижение групповых интересов. Корпорации структурированы не только по горизонтали, но и по вертикали с выходом на государственно-политическую систему. Корпорации добиваются поставленных целей не посредством открытой политической деятельности, а путем прямого, чаще всего неформального воздействия на государственные и политические структуры. Сотрудничая, а иногда и срастаясь с ними, они добиваются необходимых

решений, в первую очередь в области управления и экономики.

Неокорпоративисты особое внимание уделяют механизмам согласования государственной политики и общественных интересов. В корпоративной политической системе важнейшими аспектами публичной политики являются консультации между правительством и группами интересов, например профсоюзами, бизнес-ассоциациями. В обмен на доступ к принятию решений корпорации обеспечивают лояльность своих членов государству, содействуя тем самым проведению согласованной экономической и социальной политики.

Наряду с положительной стороной, неокорпоративисты видят и негативные аспекты сложившейся практики. Побочным продуктом корпоративной формы взаимодействия государственной власти и групп интересов, например, является распространение неправовых отношений между бюрократией и представителями корпораций, создается благоприятная среда для криминального поведения (коррупции, взяточничества).

В одних странах комплекс идей, представлений, институтов и механизмов традиционно называют корпоративизмом, в других — социальным партнерством.

Но все же следует различать социальное партнерство и корпоративизм. Первое понятие чаще используется для определения практик, характеризующих преимущественно сферу трудовых отношений. Хотя сегодня социальное партнерство распространяется практически на области также экономической и социальной политики и не ограничивается только вопросами регулирования трудовой политики. Корпоративизм — это явление более широкого уровня, подразумевающее более широкое представительство институционализированных участников диалога власти и общества. Корпоративистские представления используются в политических, экономических, юридических, социологических, исторических науках при решении трудовых отношений.

СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ НЕОКОРПОРАТИВИЗМА

Неокорпоративизм как новая система общественно-политического устройства. Он отличается от капитализма и социализма, представляя собой «третий путь» общественного развития.

Это ответвление неокорпоративизма является продолжением концепций корпоративистов 1920–1930-х гг.

Отличительной чертой представителей этого течения является стремление к независимости государства от частного сектора, замена рыночных механизмов практикой олигополии. Экономическая система этого варианта неокорпоративизма основана на отказе от свободы деятельности частного капитала и переходе к государственному управлению, основанному на четырех принципах: единстве, порядке, национализме, успехе.

Неокорпоративизм как форма государственного устройства, в которой корпоративизм развивается параллельно парламентской системе. При парламентском строе процессы представительства и вмешательства разделены, а в корпоративном государстве они слиты. Корпорации представляют интересы своих членов и действуют как посредники при проведении в жизнь правительственной политики. Они находятся в постоянном диалоге с государственными институтами и лицами. Итогом этих контактов являются согласованные решения, обязательные для выполнения всеми сторонами процесса.

Неокорпоративизм как отличный от прежних способ организации и взаимодействия групп интересов с государством. Основное положение представителей этого направления основано на различии корпоративизма и плюрализма. Корпоративизм можно определить как систему представления интересов, в которой составные части организованы в виде небольшого числа отдельных, принудительных, не конкурирующих, иерархически организованных и функционально дифференцированных структур, признанных или легализованных (если не созданных) государством. Они наделяются различного рода монополиями в области представительства данной категории лиц.

Это направление неокорпоративизма получило широкое распространение в европейских социальных науках. «Неокорпоративистский подход, — писал Ф. Шмиттер, — это лишь один из подвидов более широкого класса теоретических подходов в политической экономии, известных под названием „институционализм“. Общим для всех институционалистских теорий является представление о том, что поведение людей — будь то экономическое, социальное или политическое —

невозможно объяснить, исходя исключительно из выбора и предпочтений индивидов либо из коллективной идентичности и обязательств, налагаемых группой... Если обратиться к позитивной части аргументации институционалистов, то она строится на предположении о том, что где-то между рынком и государством расположена широкая сеть устойчивых моделей коллективного поведения (институтов). Эти модели поведения запутаны и временами противоречат друг другу, однако индивиды и коллективы более или менее привычно опираются на них, чтобы структурировать свои ожидания относительно поведения других сторон и найти типовые решения возникающих проблем» [25]. И с мнением одного из идеологов современного корпоративизма нельзя не согласиться.

* * *

Таким образом, отличительной чертой неокорпоративизма является отсутствие каких-либо связей и интереса к католическому корпоративизму. Неокорпоративистов не интересуют идеи социального христианства, но они не связаны и с идеологией фашистского «корпоративизма».

Существующие в современном мире неокорпоративные модели, как бы они ни назывались, во многом зависят, во-первых, от институтов прошлого, во-вторых, от политических реалий настоящего. Нынешний корпоративизм является инструментом примирения разных общественных интересов посредством структуры и механизмов переговорных процессов. Он включен в систему государственного управления.

Неокорпоративная модель обладает важными достоинствами. Благодаря неокорпоративистской политике стало возможным проведение сбалан-

сированной социально-экономической политики. Она позволила: включить группы интересов в процесс принятия политических решений; заключить социальные договоры, гарантирующие мирные трудовые отношения, превращение вчерашних антагонистов — профсоюзы, бизнес и государственные институты — в социальных партнеров; проводить экономическую политику, предполагающую консультации власти по ключевым вопросам с представителями бизнеса и профсоюзов; осуществлять социально-экономическую политику, учитывающую интересы разных социальных групп и т.д.

Экономический эффект неокорпоративизма состоит в стабилизации уровня занятости, распределения доходов, а также в положительном влиянии на экономический рост. Эта система оказывает влияние на социальную стабильность, ограничивая рост конфликтов, повышает эффективность управления и сохраняет политическую стабильность общества.

Современная неокорпоративная модель наряду с достоинствами имеет и недостатки, например неспособность быстро и адекватно реагировать на необходимость структурной перестройки экономики, на повышение требований к менеджменту и рабочей силе. В новых условиях из-за кризиса профсоюзов и ослабления их влияния наблюдается определенное падение роли и влияния «трипартизма». Сегодня бизнес нередко предпочитает решать проблемы напрямую с правительствами и не всегда соглашается на участие профсоюзов в переговорах и консультациях. Отрицательными сторонами являются также уменьшение гибкости и открытости в отношении нововведений и непрозрачность принятия решений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Павроз А. В. Теория политического плюрализма: сущность, противоречия, альтернатива. СПб., 2009. 178 с.; Павроз А. В. Лоббизм: институциональные основы и практики политического влияния в демократическом обществе. СПб., 2016. 172 с.
2. Роузфилд С. Сравнительная экономика стран мира. Культура, богатство и власть в XXI в. М.: РОССПЭН, 2004. С. 78–78.
3. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М.: Наука, 1972. С. 172.
4. Майка Ю. Социальное учение католической церкви. Рим-Люблин, 1994. 480 с.
5. Шейнман М. М. Христианский социализм. История и идеология. М.: Наука, 1969. 317 с.
6. Поспеловский Д. Тоталитаризм и вероисповедание. М.: Библиейско-богосл. Институт святого Апостола Андрея, 1991. 665 с.
7. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Сочинения. В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1991. 632 с.

8. Локк Дж. Два трактата о правлении // Сочинения. В 3 т. Т. 3. М.: Мысль, 1988. 450 с.
9. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или Принципы политического права // Об общественном договоре. Трактаты. М.: КАНОН-пресс: Кучково поле, 1998. 416 с.
10. Волгин В. П. П. Леру — один из эпигонов сен-симонизма // Из истории общественных движений и международных отношений. М.: Политиздат, 1957. С. 18–37.
11. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Канон+, 1996. 430 с.
12. Дюркгейм Э. Самоубийство: социологический этюд. М.: Мысль, 1994. — 399 с.
13. Сирота Н. М. Идеологии и идеологические течения: классическое наследие и современность. СПб.: ИВЭСЭП, 2009. 188 с.
14. Канделоро Дж. Католическое движение в Италии. М.: Мысль, 1953. 588 с.
15. Галкина Л. А. Гильдейский социализм. Критический анализ. М.: Наука, 1988. 253 с.
16. Слободской С. М. Итальянский фашизм и его крах. М.: Госполитиздат, 1946. С. 32.
17. Лопухов Б. Р. История фашистского режима в Италии. М.: Наука, 1977. С. 102.
18. Слободской С. М. Социальная сущность фашизма. М.-Л.: ОГИЗ, 1928. 88 с.
19. Вискер Дж. Б. Итальянский фашизм: опыт интерпретации // The Journal for Historical Review 1983 № 4. URL: <http://basiliobasilid.livejournal.com/4185.html>.
20. Филатов С. Г. Крах итальянского фашизма. М.: Наука, 1973. 492 с.
21. Устрялов Н. В. Итальянский фашизм. М.: Наука, 1999. 192 с.
22. Шмиттер Ф. Неокорпоративизм и консолидация неodemократии // <http://www.zhurnal.ru/polit/articles/cup2.html>.
23. Юнг Х. Корпоративизм — примирение классов? // Проблемы мирового революционного процесса. Вып. 5. М.: Мысль, 1985. С. 128–129.
24. Салмин А. М. Неокорпоративизм в странах Запада. Научно-аналитический обзор. М.: ИНИОН, 1984. С. 12.
25. Шмиттер Ф. Неокорпоративизм // Полис. 1997. № 2. С. 12.

REFERENCES

1. Pavroz A. V. The theory of political pluralism: essence, contradictions, alternative. SPb; 2009. 178 p. (In Russ.); Pavroz A. V. Lobbying: institutional framework and practices of political influence in a democratic society. SPb; 2016. 172 p. (In Russ.).
2. Rosefield S. [Comparative economy of the world. Culture, wealth and power in the XXI century. Malden, MA Oxford Blackwell, 2010. 282 p.], Rus. ed.: MGIMO. Moscow: ROSSPEN, 2004. 430 p.
3. Gurevich A. J. Categories of medieval culture. Moscow: Nauka; 1972. 348 p. (In Russ.).
4. Mike Jozef [Social teaching of the Catholic Church. Rome-Lublin, 1994. 480 p.]. Rus. ed.: MINSK: MINSK PRINTING, 2004. 480 p.
5. Scheinman, M. M. Christian socialism. History and ideology. Moscow: Nauka; 1969. 317 p. (In Russ.).
6. Pospelovsky D. Totalitarianism and religion. Moscow: Biblical-Bohol, Institute of the Holy Apostle Andrew; 1991. 665 p. (In Russ.).
7. Hobbes T. Leviathan or Matter, form and power of the state Church and civil. Works. Vol. 2. Moscow: Mysl'; 1991. 632 p. (In Russ.).
8. Locke J. Two treatises about Board. Composing. In 3 vols. Vol. 3. Moscow: Nauka; 1988. 450 p. (In Russ.).
9. Russo J.-J. Rousseau's social contract, or Principles of political right. On the social contract. Treatises. Moscow: KANON-press: Kuchkovo pole; 1998. 416 p. (In Russ.).
10. Volgin V. P. Leroux is one of the epigons of Saint-simonism. In Iz istorii obshestvennyh dvizheniy b mezdynarodnyh otnosheniy = From the history of social movements and international relations. Moscow: Politizdat; 1957. pp. 18–37. (In Russ.).
11. Durkheim E. On the division of social labor. Mosvow: Kanon+; 1996. 430 p. (In Russ.).
12. Durkheim E. Suicide: sociological study. Moscow: Nauka; 1994. 399 p. (In Russ.).
13. Sirota N. M. Ideology and ideological currents: the classical heritage and modernity. St. Petersburg: IVESEP; 2009. 188 p. (In Russ.).
14. Candeloro John. The Catholic movement in Italy. Rus. ed.: Moscow: Nauka; 1953. 588 p.

15. Galkina L. A. Guild socialism. Critical analysis. Moscow: Nauka; 1988. 253 p. (In Russ.).
16. Slobodskoy S. M. Italian fascism and its collapse. Moscow: Gospolitizdat; 1946. 207 p. (In Russ.).
17. Lopychov B. R. History of the fascist regime in Italy. Moscow: Nauka; 1977. 296 p. (In Russ.).
18. Slobodskoy S. M. The social essence of fascism. M-L: OGIZ; 1928. 88 p. (In Russ.).
19. Visker George.B. Italian fascism: an attempt of interpretation. The Journal for Historical Review. 1983; 4. URL: <http://basiliobasilid.livejournal.com/4185.html>. Accessed 11.06.2014. (In Russ.).
20. Filatov S.G., the Collapse of Italian fascism. Moscow: Nauka; 1973. 492 p. (In Russ.).
21. Ustryalov N.V. Italian fascism. Moscow: Nauka; 1999. 192 p. (In Russ.).
22. Schmitter F. Neocorporatism and consolidation of newdemocracy. URL: <http://www.zhurnal.ru/polit/articles/cup2.html>. Accessed 09/11.06.2014. (In Russ.).
23. Jung H. Corporatism-class reconciliation? Problems of the world revolutionary process. Vol. 5. Moscow: Mysl'; 1985. 286 p. (In Russ.).
24. Salmin A. M. Neocorporatism in the West. Scientific and analytical review. Moscow: INION; 1984. 84 p. (In Russ.).
25. Schmitter F. Neocorporatism. Polis. 1997;2:14–22. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Игорь Николаевич Шапкин — доктор экономических наук, профессор Департамента экономической теории, Финансовый университет, Москва, Россия
ishapkin@fa.ru

ABOUT THE AUTHOR

Igor N. Shapkin — Doctor of Economics, Professor of the Department of Economic Theory, Financial University, Moscow, Russia
ishapkin@fa.ru